

ТРЕТИЙ ГОД ЭКСПЕДИЦИИ (сентябрь 1950 – август 1951 г.)

Тымнэнэнтын летовал у озера Экитыки «на реке Энмуан» (река Энмываан, впадающая в озеро Экитыки). Стадо выпасалось ближе к Амгуэме «на Энгыргынах (Койэнгыргын, Майнэнгыргын)»¹. В 1950 г. Тымнэнэнтын не переходил на правобережье Амгуэмы и не выходил к побережью океана.

Тем не менее у В.Г. Кузнецовой была возможность завершить свою к этому времени двухлетнюю экспедицию. Помимо вышеупомянутого июльского похода на «87 километр», 3 сентября к месту слияния реки Экитыки с Амгуэмой приходила лодка с товарами, которую приводил А.М. Малыхин.

30 сентября 1950 г. за вечернем чаем Тымнэнэнтын предложил В.Г. Кузнецовой с наступлением холодов перебраться в яранги Тнарэнтгыргына или Пэн'эн'эут, а еще лучше — в другие стойбища, где бы ей сшили зимнюю одежду. Не надеясь уже на то, что В.Г. Кузнецова его покинет, он предложил ей отправить большую часть пожитков с оказией на «87 километр»,

1 Имеется в виду правый приток Экитыки — Энгергин с притоками.

Рис. 72. Осенняя кочевка, как и весенняя, продолжается много дней. Остановка в пути во время этих кочевков рассматривается как короткая передышка, не требующая основательно и тщательно поставленных жилищ. В хорошую погоду нет необходимости использовать нарты для придания устойчивости яранге. Их не размещают в определенных местах жилища, а оставляют стоять на земле. Подобное, как мы видим на фотографии, скученное расположение нарт на остановке ускоряет процесс сооружения из них загородки (элгаан), в которую загоняют ездовых быков в день перекочевки. МАЭ РАН. И 1454-114

оставив лишь самые необходимые и необременительные при кочевании вещи (рис. 72).

С началом осенних кочевков Тымнэнэнтын двигался на Север от Экитыки к ее правым притокам (Чануан, Телеакай) и верховью реки Чантальвеергын. Ближе к середине ноября Тымнэнэнтын и Тымнэлкот решили разделить стойбище и кочевать отдельно.

12 ноября 50 г. <...> Узнала новость сегодняшнего дня: Тымнэлкот один со своей ярангой будет кочевать на соединение с Кааквургокаем, Тымн[энэнты]н же со своей ярангой будет кочевать в другом направлении, во всяком случае где-то вблизи Амгуэмы. <...> За чаем Тымн[энэнты]н сказал: Ты кочуй с Тымнэлкотом, попадешь на 87 км, они и Кааквургокай будут близко от Амгуэмы. Я промолчала в ответ. Когда все ушли, подавая горячий уголь закуривавшему Тымн[энэнты]ну, я сказала: Я также стремлюсь попасть вглубь тундры. В будущ[ем] году я уезжаю домой, а много

Рис. 73. Чукотское кочевое стойбище ранней весной. МАЭ РАН. И 1454-732

стойбищ я еще не видала. Здесь же остаются всего две яранги (Кааквургокая и Тымнэлкота) и других стойбищ поблизости нет. Э-э, — ответил Тымн[энэнты]н, не сказав больше ничего [Кузнецова 1948–1951: 365].

Тымнэнэнтын собирался кочевать к реке Каленмываам (верховья реки Паляваам), но остался у реки Чантальвеергын (рис. 73, 74, 75).

В февраля и марте 1951 г. В.Г. Кузнецова продолжала жить у Тымнэнэнтына, кочевавшего вдоль реки Энмоун¹, иногда отправляясь погостить в ярангу Неутыны, жены Гемын. С перерывами на гостевание в других стойбищах В.Г. Кузнецова прожила в яранге Тымнэнэнтына до апреля 1951 г. К этому времени Тымнэнэнтын был уже очень болен, его мучила грыжа, были какие-то серьезные проблемы с желудком. И 21 апреля в Килвэй при большом количестве присутствующих гостей он объявил о своем желании принять добровольную смерть.

21 апреля 51 г. <...> Тымнэнэнтыну стало хуже, открыл чоургын², наполовину туловище высунул из полога. Задышался, стонал. Не узнать было Тымнэнэнтына, похудел,

1 Чаантальвэтыргын.

2 Човыргын, чьогыргын — передняя стенка полога, являющаяся входом.

Рис. 74. Жена Тымнэнэнтына Эттыкутгэвыт, сидящая на передней нарте, запряженной парой оленей, ведет кочевой караван. К ее нартам привязаны две соба- ки. Весна 1951 г. Кочевка из тундры к морскому побережью в Ыпъэн. МАЭ РАН. И 1454-74

Рис. 75. Старуха Кыйтпынэут (в переводе на русский это имя означает «Трудолюбивая») остановила свой кочевой караван (мууриль). Пару оленьих быков, запряженных в ее нарту, она привязывает за узду оленя, идущего в упряжке сзади для того, чтобы можно было остановить свои нарты без риска быть опрокинутыми, а весь мууриль быть уведенным в сторону ее передней упряжкой, пока она осматривает правильность положения правой ноги каждого из оленей ее каравана. Уставший олень третьей нарты лег отдыхать, голова его видна сбоку кочевой кибитки. Кыйтпынэут одета в матерчатую камлейку поверх мехового комбинезона (кэркэра). Шапка, опу- шенная оленьим мехом, глубоко закрывает лицо. Весенняя кочевка 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-77

глаза стали стеклянными, без блеска, лицо страшно осунулось. Закрыв чоургын, он заговорил, как в бреду: Меня ждет упряжка оленей, я спешу туда, оставлю вас. Чейвуна и Эттыкутгэвыт, просунувшись в полог, а также и все бывшие в пологе, сказали больному: Ракалкалте, т.е. не нужно это, не думай об упряжке. Заплетающимся языком Тымнэнэнтын заговорил, стал просить смерти, чтоб задушила его» [Кузнецова 1948–1951: 390].

27 апреля в разговоре с братом Тымнэлкотом Тымнэнэнтын вновь подтвердил свое намерение уйти из жизни. Тымнэлкот съездил за Номгыргыном. Из стойбища Номгыргына, находящегося в 10 километрах, приехали на упряжках Тымнэлкот, Номгыргын с женой Элмырультыной, Тынагыргын. Однако выполнить желание Тымнэнэнтына, как того требовал обычай, его родственники не смогли главным образом из-за присутствия В.Г. Кузнецовой и культработника Амгуэмского сельсовета Анкая (Анкоя), который был вынужден в силу своего общественного положения поддержать протесты В.Г. Кузнецовой.

Чем окончилась эта история, можно только догадываться. Вскоре после описанных выше событий В.Г. Кузнецова стойбище Тымнэнэнтына покинула.

Уже с марта 1951 г. В.Г. Кузнецова пристально вслушивалась в разговоры о планах кочевания. Она собиралась летом (к навигации) завершить экспедицию. Для этого нужно было попасть на побережье, а не летовать в тундре. Необходимо было заранее выяснить планы стойбищ, чтобы еще до разлива рек пересечь Амгуэму, а весна ожидалась ранняя. Вслушиваясь в разговоры, она поняла, что спешил еще до отела перейти Амгуэму только Кааквыргокай. Стойбище Тымнэнэнтына, это было очевидно, быстро кочевать к побережью не могло. В стаде Тымнэнэнтына отел уже прошел, но телята окрепнуть еще не успели, стадо быстро двигаться не могло, а главное, сам Тымнэнэнтын был очень болен.

29 апреля 1951 г. В.Г. Кузнецова приехала на «базу Силаева» (на трассе). Далее в дневниковых записях имеется перерыв, вероятно, этот месяц она пребывала в поселке.

29 мая 1951 г. В.Г. Кузнецова находилась уже в стойбище Кааквыргокая. Кааквыргокай (Каквыргыкай, Кааквургэкай, Каак-

вургокай, Кааквургокай, Кооквургокой, Кооквургокай) — двоюродный брат Номгыргына. У него было две жены: Рагтын'аут и Пэнас (жена его умершего брата). В стойбище Кааквургокая (переднедомного) было еще две яранги. Вторая яранга принадлежала Гырголю (Гырголь, Гыргол, Гырголькай, Гырголькой), третья — Энэчыну, брату жены Гырголя Ринтынэ. В.Г. Кузнецова поселилась в яранге Гырголя (рис. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82).

Несколько позже к стойбищу присоединилась яранга Каглё с женой Кынеп и сыном Гэуныто. К концу мая сюда же подкочевали Номгыргын и Тымнэлкот. Тымнэнэнтына к этому времени уже не было в живых. В записи от 29 мая есть упоминание о том, что в стойбище Кааквургокая пришли гости (Элмырультына, Номгыргын, Анкой) и что в разговоре выяснилось, что «Элмырультына заболела в день похорон Тымненентына при возвращении домой с тундры» [Кузнецова, 1948–1951: 391].

Рис. 76. Чукчи Амгуэмской тундры Гырголькай и Ятгыргын показывают приемы чукотской борьбы. Гырголькай с тонкой косичкой, заплетенной из пучка оставленных на затылке волос, одет в полосатую матерчатую камлейку.

МАЭ РАН. И 1454-286

Рис. 77. Группа мужчин из кочевых стойбищ. Крайний справа — Каглё из колхоза «Пионер». Он одет в бело-пеструю меховую рубаху, на голове у него ровдужная шапочка (вэчоквын), оставляющая открытой макушку головы.

МАЭ РАН. И 1454-278

Рис. 78. Чукча Каглё с женой Пэнэнэут из колхоза «Пионер» Чаунского района (Рыркайпия). 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-673

Рис. 79. Кочевые чукчи: Гэмы (из колхоза «Пионер» Чаунского района), Гырголькай, Кааквургокай. МАЭ РАН. И 1454-690

Рис. 80. Группа чукчей, сидящих на нартах вблизи яранги. МАЭ РАН. И 1454-691

Рис. 81. Кочевой чукча Амгуэмской тундры Кааквургокай. МАЭ РАН. И 1454-692

Рис. 82. Группа чукчей у яранги Кааквургокая. МАЭ РАН. И 1454-699

Рис. 83. Кочевой караван (муульын) ведет сидящая на нартах чукчанка Ринтына. В ее нарты запряжена пара оленей. Весенняя кочевка 1951 г. в сторону морского побережья в Ыпъэн, яранга Гыргольская. МАЭ РАН. И 1454-72

Далее стойбище Кааквыргына разделилось: Эйнэчын стал кочевать с Тэмнэнэлкотом, а Гырголь с Номгыргыном. С 5 на 6 июня 1951. г. состоялась последняя кочевка В.Г. Кузнецовой. Гырголь отделился от Номгыргына и вместе с Майныкааквыргыном откочевал к самому морскому берегу в местность Ыпэн. Номгыргын остался практически у своей прежней стоянки. Тымнэлкот также не стал больше кочевать из-за полного отсутствия в тундре снега (рис. 83, 84, 85).

Пользуясь хорошей погодой, В.Г. Кузнецова в последний раз сделала еще одну серию фотографий, показывающих процесс установки яранги:

Томгына вместе с Кааквыргыном первыми установили ярангу. Когда они натягивали ретем, Гыргольской побегал им помогать. Ринтына вторая установила свою ярангу и последняя, позже всех, Кынеп. Погода была хорошая, так что даже фотографировала моменты установки яранг [Кузнецова 1948–1951: 391] (рис. 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93).

Рис. 84. Кочевой караван подошел к месту стоянки. Выпрягают оленей. Весенняя кочевка 1951 г. яранги Гырголькая к морскому побережью в Ыпъэн. 6 июня 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-90

Рис. 85. Кочевой караван в пути. 6 июня 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-91

Рис. 86. Чукчанка Кымынэ устанавливает шесты яранги. На переднем плане находятся грузовые нарты с лежащим на них арканом (чаат), свернутым в кольцо. На земле лежат лыжи (взлвыегыт – «вороньи лапки»). Яранга Эйн'эчын, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-83

Рис. 87. Установка яранги на новом месте. Подросток Чымнугэ привязывает верхние жерди (утэм), его родители Гырголькай и Ринтынэ приподнимают тяжелое покрытие яранги (рэтэм). МАЭ РАН. И 1454-78

Рис. 88. На переднем плане находится яранга Ринтынэ, покрытая наполовину ровдужной покрывшкой (рэтэм); вторую половину рэтэма, лежащую на земле, собираются поднять; на помощь идет молодая Кымын'э, начавшая ставить свою ярангу рядом. Весна 1951 г. Кочевка к морскому побережью в Ыпъэн.

МАЭ РАН. И 1454-81.

Рис. 89. Недостроенная яранга с натянутой половиной покрытия (рэтэм).

МАЭ РАН. И 1454-82

Рис. 90. Установлен остов кочевого жилища (яранги). МАЭ РАН. И 1454-32

Рис. 91. На остов яранги натянута половина покрытия. Ыпъэн, весна 1951 г.
МАЭ РАН. И 1454-31

Рис. 92. Гырголькай натягивает покрывку (рэтэм) на ярангу. Ыпъэн, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-30

Рис. 93. На переднем плане чукчанка Кынэп устанавливает ярангу. На заднем плане — готовый остов яранги Майныкааквургына, еще не покрытый ровдугой. Ыпъэн, весна 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-33

Отчетливо проявленное В.Г. Кузнецовой намерение покинуть Чукотку, ее длительное пребывание вне стойбища Тымнэнтына разительно изменило отношение к ней обитателей «ее» стойбища, которые, несмотря на все неурядицы и проблемы, к ней привыкли и даже, вероятно, привязались. Это видно по тому, что чукчи вдруг стали выражать свои добрые к ней чувства в связи с предстоящим расставанием, заботились о пище в дорогу и т.п.

27 апреля 1951 г. Тымнелкот заговорил о моем отъезде от них. Скучать мы будем по тебе. Зачем уезжаешь, оставайся у нас. Чейвуна сидела в пологе, шила, распевая, в чоургын был вставлен ярар. Уедешь, очень заскучаем по тебе, — сказала она из полога. — Не только вы, я также буду скучать о вас, — сказала. [Кузнецова 1948–1951: 403].

29 апреля 1951 г. <...> После сообщения Эттыкутгевыт Тымненентыну о моем уходе вскоре она выглянула из полога и, обращаясь к Пенас, сказала: Уже затосковал (обо мне). <...> На мои слова, что я еще вернусь, Тынены сказала: Все будем смотреть в ту сторону, куда ты уйдешь, и будем ждать тебя [Кузнецова 1948–1951: 403].

Перед самым отъездом из Ыпгэн В.Г. Кузнецова с Анкаем отправилась от Гырголя в последний раз навестить стойбища Тымнэлкота и Номгыргына.

24 июля 1951 г. <...> Меня Чейвуна не пустила в стойб[ище] Номгыргына. Чейвуна, Анкой и я покрывали магны снятым с них тяжелой половиной зимнего ретема. За этой работой Чейвуна и сказала Анкою: Ты один иди к Номгыргыну, а Варвара тут останется у нас. Я ее давно не видела и очень соскучилась. И оставила ее переночевать [Кузнецова 1948–1951: 397].

13 июля прибывшая из Ванкарема теща Гырголя Кыйтпынэут принесла известие о том, что в Ванкарем прибывает пароход.

13 июля 51 г. <...> Еще вчера, придя из Ванкарема, Кыйтпынэут сказала, что через 5 дней придут эмиэлыт.

Я поняла, что приедут из Ванкарема сюда на байдаре. Сегодня ею были повторены вчерашние слова. И лишь сегодня я разобралась — в Ванкарем придет пароход. Ринтынэ засмеялась — сегодня лишь разобралась в том, что было еще вчера сказано. Ужасное беспокойство овладело мною. Пешком до Ванкарема идти очень далеко. Осталось трое суток до прихода парохода. В сильном волнении выкурила подряд все 4 шт[уки] папирос, данные Кыйтпынэут перед уходом домой. Не находила себе места от волнения. Немного успокоившись, решила — если опоздаю к пароходу, полечу самолетом, не хватит денег, дам в Ин[ститу]т телеграмму [Кузнецова 1948–1951: 396].

Вскоре в Ыпэн пришли байдары из Ванкарема. Ванкаремские чукчи и работники торгово-заготовительной базы Ванкарема прибыли за оленьим мясом и с торговыми целями (рис. 94).

Воспользовавшись оказией, 31 июля 1951 г. В.Г. Кузнецова покинула стойбище и на байдаре отправилась в Ванкарем. В Ванкареме знакомая В.Г. Кузнецовой, работница Полярной

Рис. 94. Береговые чукчи из поселка Ванкарем в гостях у кочевников. Ыпэн. 30 июля 1951 г. МАЭ РАН. И 1454-435

станции Люба Жигулева, очевидно, видевшая ее в последний раз осенью 1948 г., при встрече воскликнула: «Как ты постарела, не узнать тебя» [Кузнецова 1948–1951: 399].

4 августа пришел и встал на рейд тот же пароход «Анадырь», что доставил В.Г. Кузнецову на Чукотку в 1948 г. В.Г. Кузнецова готовилась к отъезду. Проблема была в том, что ехать ей было не в чем. Ванкаремские русские собрали по знакомым для В.Г. Кузнецовой белье. В магазине были куплены «простенький материал на платье», которое сшила жена Малыхина, шерстяная кофта, галоши под туфли, купленные у знакомых. На дорогу были приобретены также 24 банки сгущенного молока, 2 килограмма масла, 2 бутылки коньяка. 8 августа с вещами она переехала на пароход, отошедший от Ванкарема 9 августа 1951 г.